

МОБИЛЬНЫЕ

Мария АРБАТОВА

СВЯЗИ

Мария Арбатова

Мобильные связи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178064
Мобильные связи: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-044177-8, 978-5-9713-6628-7

Аннотация

Однажды в Германии они с подругой решились через фирму заказать мальчика. Пришел красавчик – молоденький араб. Начали болтать по-английски и кормить его, как две заботливые мамы. Парень рассказал о своей студенческой жизни. Правительство его страны платит за обучение, но стипендия крохотная. Через час болтовни араб понял, что имеет дело с полными дурами, и объявил, что идет почасовая оплата.

Содержание

Любовь к американским автомобилям

4

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Мария Арбатова

Мобильные связи

Любовь к американским автомобилям

Роман

С автомобилями в моей семье было ох как не просто. Первой машиной был бежевый «Запорожец», рожденный отечественным автодизайном вслед за горбатым и ушастым. Как обладательнице больной ноги, мне полагалась машина с ручным управлением. Получить ее оказалось довольно просто: тесты на тренажере, подтверждающие придурковатость ноги; справка о менее придурковатых зрении и психике и разборка с теткой-распределительницей.

Для тетки, сидящей на раздаче унижительных машин униженным инвалидам, я выглядела как дырка в формальной логике. Она ни разу не давала машины молодой бабе, явившейся одновременно и с мужем, и без взятки. А посему начала остервенело орать, что таким, как я, «нечего, незачем и не по праву»... Я на подобных тетках отполировала зубы по судьбе и по работе. Так что скорбно попросила у нее лист бумаги и прямо на ее столе начала писать заявление в вы-

шестоящую инстанцию о ее – теткиной – профнепригодности на этом теплом месте. Увидев мою подготовленность к подобной коммуникации, тетка сначала стыдливо прижала уши, потом заискрилась, завилась мелким бесом, затем заплакала про трудную женскую судьбу и легкое помрачение от усталости... После чего оформила бумаги со скоростью реактивного самолета. Присутствовавшая в комнате очередь из инвалидов косилась на меня как на богатыря, одним махом отрубившего дракону три головы.

Победа опьянила. И я с мужем и нашим другом, покойным журналистом Андреем Фадиным, рванула на крыльях победы за агрегатом. Ни я, ни муж машин не водили, и Андрей великодушно взял над нами шефство.

– Научишься водить, выучишь Москву, побьешь ее по углам, а там и нормальную купишь, – пояснял Андрей, – я тоже начинал с «Запорожца»...

Попав в жуткий заледенелый двор, где теснились новенькие «Запорожцы», мы оторопели. Ни одна из наличествующих машин не была укомплектована по полной программе. Начальник обледенелого двора вяло сообщил, что их так и присылают; хотя на морде у него был отчетливо написан адрес исчезновения запчастей.

– Ладно, мужик, как-нить до дому на ней доедешь, а там в сервис гони, все поставят, – посоветовал начальник двора, – машина – зверь! На рыбалку на ней ездить лучше, чем на танке. Можешь, конечно, не брать. Но другой партии не бу-

дет, пока этих не возьмут. А с этих пока еще больше свинтят... не углядишь.

– Ладно, поеду, – сказал Андрей мужику, – если куда-нибудь врежусь – тебя судить будут!

– А ты не врежайся... – подмигнул мужик.

Задавать вопросы, как на подобных машинах выезжают отсюда инвалиды, было бессмысленно, поскольку сначала надо было понять, как они смогут войти сюда и добраться до автомобиля по стопроцентному катку.

– Я тебе честно скажу, у твоей не хватает мелочи. По сравнению с остальными она просто «мерседес». И радуйтесь, что досталась, из старых запасов тачка... Скоро Ельцин с Гайдаром все так разворуют, уже никому ничего не дадут... – сказал на прощанье начальник ледяного двора.

И мы, три обозревателя отдела политики передовой «Общей газеты», отчаянные реформаторы и витиеватые либералы, не утрудили себя дискуссией, а медленно и тревожно выехали на урчащем агрегате.

Сказать, что «Запорожец» шумит, – это ничего не сказать: он ревет, как раненый носорог. Сказать, что его не трясет, тоже ничего не сказать: мотоцикл с коляской,двигающийся по деревенской дороге, по сравнению с ним круизный лайнер. Сказать, что в нем удобно сидеть, – это совсем ничего не сказать: в нем немного удобней, чем в гинекологическом кресле, но теснее, чем в стоматологическом.

Доехали мы, не врезавшись... Но попытки приручить же-

лезного друга инвалидов не давались, несмотря на то что до этого я весело рулила чужими иномарками.

– Андрей, – жаловалась я после очередного урока вождения, – у меня ничего не получается. Мы с ней друг друга не чувствуем. Может быть, я недостаточно инвалид, чтобы овладеть этой штукой?

– Видимо, я тоже, – пожимал он плечами.

Измучив себя и машину попытками близости, я поняла, что у нас тканевая несовместимость. Однако тканевая несовместимость с «Запорожцем» расплзлась по всей семье. Ни оба мужа, ни оба сына не проявили интереса к этому техническому чуду. Все семейные советы резюмировались: «Дайте его кому-нибудь отдадим!!!»

Но «Запорожец» не отдавался. Каждый раз что-то мешало то нам, то ему, то потенциальным владельцам. Мы испробовали все: дешево продать, подарить, забыть или спровоцировать угон... Ничего не помогало, он миролюбиво застыл перед домом лет на пять, ласково именуясь «наша недвижность». И поучаствовал только в моей предвыборной кампании в депутаты Госдумы в 1999 году. Увидав в разделе анкеты про автотранспорт слово «Запорожец», избирательная комиссия прослезилась и решила, что это изощренно продуманный пиар.

Годы шли, машина жила самостоятельной уличной жизнью, не принадлежа никому, кроме сидящих на ней дворовых кошек. И вот в один прекрасный день из окна кухни

я увидела простоватого парнишку с изо всех сил беременной молодой женщиной. Они важно крутились вокруг «Запорожца», дергали за ручки, заглядывали в окошки... и достаточно мало походили на угонщиков. Через некоторое время зазвонил домофон и мужской голос с тем еще выговором сказал:

– Здрасьте, я это... машину вашу покупаю... Почему продаете?

– Я не продаю машину, – вежливо объяснила я.

– Так у вас стоит, а мне картошку возить... и жена у меня опять беременна! – возмущенно ответил он.

– Машина с ручным управлением, – пояснила я.

– Дык Васька придет, все враз сделает... чё она тута стоит?... Вы поймите, картошку в сарай возить...

– По закону я не имею права продать машину с ручным управлением...

– Дык мы угоним, тока вы разрешите...

– Если вы угоните, я обязана буду заявить в милицию...

– Дык вы не увидите, вы тока разрешите...

– Да она не ездит, пять лет стоит в одной позе!

– Дык у Васьки враз поедет!

– До свидания, молодой человек, я уже все вам объяснила.

– До свидания. Дык я приду еще, вы пока думайте почему...

Через пять минут я о нем забыла. На следующий день ровно в то же время диалог через домофон повторился. В те-

чение месяца он повторялся ежедневно. Мы с деревенским парнем уже вроде даже и привыкли к подобной форме коммуникации, и никто никуда не торопился.

Перемены в наши отношения внесло его возбужденное заявление, что жена вчера опять родила мальчонку, а из роддома его везти не на чем. И вообще мне должно быть стыдно, что он из деревни на электричке мотается, картошку в сарай на тачке возит, а я все никак не желаю стовариваться.

– Хорошо! – сказала я. – Сто долларов, и чтоб больше я вас никогда не видела и не слышала.

– Вот и по рукам, – откликнулся парень через домофон, – завтра с Васькой придем, да и махнем на ней.

Я уже работала телеведущей, и физиономия моя легко распознавалась. Но по разговору через домофон поняла, что он не в курсе дела. Не хотелось быть опознанной, чтобы все гаишники по дороге от моего дома до его деревни были оповещены, что он по понятиям угнал «Запорожец» именно у Арбатовой, чтобы возить сначала сына из роддома, а потом картошку в сарай. Я замотала волосы косынкой, надела темные очки и вышла с мужем на улицу в назначенное время. Парень, радостно сияя, стоял возле точно такого же дружка. Дружок был обещанным Васькой, в его прищуренных глазах было написано: «Интеллигенты хреновы, такую тачку прозябать оставили!»

И возразить ему было нечего...

Мы с парнем обменялись ста долларами и доверенностью

от руки. Васька залез в машину и сладострастно затих, погрузившись в ее внутренности.

– Удачи! – пожелала я. – Очень удивлюсь, если она сдвинется с места хоть на сантиметр.

И направилась к дому...

– Подождите, женщина! – возмутился парень. – А обмыть? Ей без этого никак! У меня тут все с собой заготовлено: хлебушек, огурчики, беленькая. Прямо на бампере и разложимся, чтоб дома не топтать...

– Ничего, обмоете сами... Поздравляю с сыном! – вежливо отстранилась я.

Мы с мужем отправились домой, подошли к кухонному окну, чтобы посмотреть, как бедняги колупаются с недееспособной машиной... однако парни с невероятным грохотом и невозмутимыми лицами уже выезжали со двора.

Больше я «Запорожца» не видела. Года через три позвонил престранный персонаж:

– Вот мне тут телефон ваш дали, я про машину звоню. У вас машину угоняли?

– Да как вам сказать... – не нашлась я.

– Вот и хорошо! Они ее не в том месте поставили, мы в соответствии с инструкциями эвакуировали. Ну, она у нас на стоянке постояла, а они платить за стоянку не хотят. Там набежало. Денег у них нет. А я бы ее дяде жены своей взял. Он в Казахстане скот держит, ему такая машина совсем как раз... вы мне только доверенность напишите.

– А вы, собственно, кто? – совсем запуталась я.

– Милиционер я. Мы машины конфискуем. А у них все равно денег нет, и вам она зачем, если вы Арбатова?

– Мне она незачем, и я за то, чтобы она возила картошку или пасла скот, но... не могу два раза продавать одну машину. Я ее и один-то раз не имела права продавать...

– Так давайте я ее как бы угоню с нашей стоянки.

– У кого угоните?

– У вас! Нет, у них... Нет, не у них... У себя.

– А зачем мне писать вам доверенность, если вы сами у себя угоняете? Вот сами себе и пишете.

– Так я по закону хотел! – пояснил он. – Ну, всего вам наилучшего!

Ничего, кроме своеобразного представления милиционера о законе про это, больше не помню.

Вторую машину сыновьям подарил мой первый муж. Это были белые «Жигули», практически ровесники Петра и Павла. Их хозяином прежде был какой-то бережный космонавт, но за несколько лет общения с моим первым мужем от космонавтской бережности не осталось и следа. Первый муж – певец по профессии – с театрализованном сознанием ездил на машине «как в последний раз», и в руки педантичного Петруши она попала, болея всеми системами и органами. Ремонт стоил во много раз больше, чем она сама. Но детям было приятно, что папа – материально не участвующий в их возвращении с четырнадцати лет, в ответ на то, что ему бы-

ло отказано в праве считаться моим мужем, – отдал тачку со своего плеча.

Машина начала перешиваться, переначиняться, перекрепляться изнутри; подкрашиваться и подполировываться снаружи, хотя, конечно, все равно выглядела на свои годы. Счастью сыновей не было конца, и я философски смотрела на то, что машина работала копилкой, которую, к сожалению, после наполнения нельзя разбить и пересчитать денежки. Когда Петруша куда-то подвозил меня на ней, я отчетливо слышала за спиной:

– Смотри, как на Арбатову похожа!

– Ладно тебе, Арбатова не может выходить из такой позорной машины...

Меня это веселило. Тем более что у меня вообще специфические отношения с автомобилями, и я интересуюсь только двумя вещами: может ли он ехать и сильно ли красив. А поскольку из всех машин красивыми мне кажутся только старые «Волги», «Победы» и пожилые американские автомобили, то разница между «Окой» и «мерседесом» для меня совершенно не принципиальна. Это всегда обидало мужчин, пытавшихся поразить навороченным транспортом, и подруг, накопивших на престижные тачки.

Я вообще плохо чувствую и понимаю про технику, как говорил Юрий Олеша: «Трамваи меня не любят...» Но я могу часами зачарованно стоять перед старым американским

автомобилем и созерцать его, как поэт музу. Обсуждать это удовольствие мне, увы, было не с кем, поскольку мое окружение считало это особой психической девиацией... И вдруг я познакомилась с практикующим фанатом американских автомобилей!

Президента ныне почившего клуба «Колумб» звали, скажем, Веня Козлов. Костя Боровой пригласил его на плов в дом моей подруги писательницы Киры Суриковой. В этом сезоне было модно готовить плов не у себя, а в гостях, приходя с набором продуктов.

...Если бы я не опоздала к общему сбору, то сэкономила бы кучу времени, нервов и денег. С другой стороны, мне было бы сейчас нечего рассказать... потому что, опоздав, я не увидела бы, что Веня Козлов явился в узбекском халате, снятом к моему приходу. Человек, способный прийти в первый раз в дом на плов в узбекском халате, если он, конечно, не узбек и если в доме не объявлен карнавал, сразу диагностируется как необратимый придурок... но, увы, я опоздала и о халате узнала слишком поздно. Так что Веня был диагностирован в качестве придурка всеми, кроме меня.

Вечеринка была чудесная, а плов сырой, вязкий и не пригодный по прямому назначению... Мы зацепились с Веней языками, и в первые же пять секунд он поведал, что работает в секретном спецподразделении по борьбе с наркотиками, бегаёт с пистолетом и ловит наркобаронов. Заява по своей придурковатости не сильно отличалась от узбекского халата,

но я проморгала. Тем более что на заседание моего женского политического клуба хотелось позвать очередного экзотического гостя, а Веня цитировал классиков, махал руками, заглядывал в глаза и умело концентрировал на себе внимание всеми способами.

Короче, я приняла Веню за персонаж, который сможет удержать внимание аудитории в течение трех часов, а он принял меня за писательницу Маринину, поскольку о существовании других живых писательниц, да и писателей тоже, не имел ни малейшего представления. С этого началась наша полуторагодовая совместная тусовка. Дружбой это было назвать нельзя, поскольку дружба подозревает диапазон равнодуховного обмена, а альянс аспиранта с первокурсником – при всей взаимной отзывчивости и доброжелательности – все равно будет называться опекой.

Веня не был носителем ни заметных внешних данных, ни высокого интеллекта. В силу избалованности и амбициозности я западала в мужчинах на одно или на другое, но чаще на сочетание. В самом начале знакомства я взяла его на представительскую тусовку, где могла налететь на пару «бывших», и прямо в машине на Петровке предложила выпить на брудершафт. Венино лицо вытянулось, видимо, он предположил, что все остальное может произойти между нами здесь и сейчас, и предупредил, что мне стоит сразу сделать правильный выбор, поскольку он хороший друг, но плохой любовник. Ах, знать бы мне, что друг он такой же, как и

любовник... Впрочем, тогда мне бы сейчас было нечего рассказать. И я с радостью выбрала первое, предложив перейти на «ты» без всякого тактильного контакта.

Бросившись приятельствовать, мы тут же выяснили, что расстались с любимыми одинаковое время тому назад и находимся на одинаковом жизненном перепутье, и начнем соревноваться, кто быстрее наладит новый симбиотический союз. Я полгода как бархатно развелась со вторым мужем, сохранив нежнейшие отношения и привычку обсуждать с ним все серьезные жизненные проблемы; а Веню полгода тому назад бросила дама сердца, ушедшая к крупному околоружковскому ворю. Трагедия Вени умножалась тем, что вор в течение этого времени подарил ей уже два угнанных по очереди джипа. Чего наш честный не то полковник, не то подполковник (он всегда путался в количестве собственных звездочек) тайного подразделения по борьбе против наркотиков подарить не мог. Так что эмоциональная жизнь Вени заключалась в анализе бесконечных случайных пересечений с коварной дамой, хождении к гадалкам, столах о заговорах и приговорах и демонстрационных шашнях с ее сотрудницей по кличке Беби.

Беби была простонародной девушкой возраста Вениной дочери. Она присутствовала на плове вместе с узбекским халатом, но мне не удалось запомнить ее с первого раза. Беби была симпатичной девчонкой из неблагополучной семьи окраинного района Москвы и все время нуждалась в день-

гах, которых ей не соби́рался предлагать никто, кроме дяденек возраста ее отца. Работала кем-то вроде бухгалтера и рефлексировала о жизни в сто раз меньше, чем даже Веня. Выглядела тоже стандартно, посмотрев на нее, мои сыновья возмутились:

– Вот ты, мать, говоришь, что наша знакомая Н. выглядит как дешевая б.? Так по сравнению с Беби она просто выпускница Смольного!

Возразить сыновьям мне было нечего. Но в конце концов, и Веня, и Беби имели право на свое видение прекрасного.

Моя эмоциональная жизнь тоже была не особо наполнена. Я была влюблена в одного женатого красавчика. И в силу его женатости, а также трезвого понимания, что мне он нужен именно в состоянии женатости не на мне, не могла появляться с ним в свете. Красавчик, правда, тоже интеллектуально не хватал звезд с неба, но по сравнению с Веней был Платоном, Сократом и Архимедом в одном флаконе. Веня был простой, как ситцевые трусы. Из моих книг смог прочитать только одну и сформулировать:

– Ну вот как с тобой можно иметь отношения, если ты потом пишешь про всех своих мужиков?

Как будто остальные писательницы писали про чужих.

Веня был патологически необразованный, хотя трындел про два вуза и одну диссертацию. Очень цитирующий, хотя мало что прочитавший. Очень сексуально неблагополучный, хотя процентов восемьдесят времени пытался свести любую

тему на сексуальную. Очень одинокий, хотя постоянно тусующийся. Очень безвкусный, пафосный, показушный... но вполне трогательный во всем этом наборе. Главной трагедией Вениной жизни было то, что к моменту начала мужского климакса он не знал, кто он. И совершенно не понимал, как честно об этом сказать другим и себе. Короче, типичный «новый русский»...

В мою жизнь Веня впился ртом рыбы-присоски и начал пускать корни во всех ее сегментах, особенно в социально ценных. Меня это особенно не напрягало, мало ли какие у людей комплексы. Внешний антураж Вениной жизни состоял из тоскливых бездельных будней, проводимых в трехэтажном доме в Серебряном Бору и офисе придуманного им учреждения. Дом, судя по Вениным способностям к любому виду трудовой деятельности, давал понять, что в один прекрасный день Веня что-то удачно своровал. Ответить на прямые вопросы по поводу существования дома он не мог никогда. С другой стороны, вокруг стояли дома, владельцы которых своровали значительно больше, и это помещало Веню в трудную позицию. Гостям победнее он говорил: «Вокруг одно ворье!» Гостям побогаче: «В нашем кругу принято...»

Внутри дом был апофеозом архитектурной тупости и дизайнерской безвкусицы – как говорят англичане: «твой дом – это ты»; но стоял на берегу реки в маленьком закрытом поселке недалеко от центра Москвы. Пятнадцать минут без пробок, и можно было вдыхать речной воздух, смотреть на

пришвартованные яхты жителей поселка или внутри пылающего камина. Как большинство «новых русских», Веня страдал в доме от одиночества и не востребованности и через день сложносочиненно заманивал к себе в гости всех, кто заманивался. Хозяин он был радушный, внимательный, щедрый, заботливый... если бы еще не говорил так много... а главное, не пел под гитару. Как многие люди, обожающие выступать, Веня не мог посмотреть на себя критически. Да и просто не понимал, что для того, чтобы петь под гитару, надо иметь хоть искру таланта. Как, впрочем, и для того, чтобы сочинять тексты и музыку для этого самого пения.

Внутри дома все было временно, наспех, нелюбовно и нелогично. Одноразовая посуда была размешана остатками сервизов из прошлых жизней, бумажность скатертей и пластмассовость столов и стульев еще как-то могли оправдываться летом, но зимой-то он тоже жил с ними в мире и согласии. В «детской» с потолком, полным обойного звездного неба, стояли Венины модели яхт и кораблей, словно он тайно прятался туда доиграть в то, во что не дали доиграть в детстве. Там даже стояло какое-то количество книг, то ли подаренных, то ли купленных для интерьера, но вусмерть непрочитанных. Собственно, из всего наполнения дома Веня дружил только с баром и телевизором. И они отвечали ему взаимностью.

Тоску домашнего одиночества Веня прерывал поездками в офис, который придумал, чтобы кем-то быть. Офис был

клубом любителей американских автомобилей и назывался, скажем, «Колумб». Каким образом любители американских автомобилей могли бы их любить вместе, не знал никто, но Веня пообещал им этот способ за приличные взносы. В способ совместной любви к американским автомобилям входили: коллективные развлечения, скидочные карты на кино, вино и домино и неубедительно озвучиваемое Веней чувство единства. Совместные развлечения организовывались довольно неизобретательно: снять ресторан или дом отдыха с девками и нажраться. Скидочные карты: три процента в казино, пять процентов в автосервис, десять процентов в стоматологическую клинику... тоже не давали земного рая. Но вот чувство единства успешно достигалось ежегодным конкурсом красоты под названием «Мисс открытие Америки». И, познакомившись с человеком любого пола и возраста, Веня первым делом усаживал его перед видеком и заставлял смотреть сей любительски снятый любительский конкурс, а заодно и записанные телепрограммы, в которых ему удалось показаться в качестве отца и хозяина конкурса.

В офисе у Вени сидела незамужняя секретарша, прелестная Наташа с хорошими манерами, неспособная с первого раза выполнить ни одного секретарского задания, кроме наливания чая. А также вечно орущая на Веню незамужняя директорша Оля с плохими манерами, производственная деятельность которой была для меня загадкой. Вместе они составляли для Вени идеальную женщину, и он ходил на рабо-

ту, чтобы получать пинки от Оли и утешенья от Наташи, а совсем не для того, чтобы организовывать какой-либо процесс.

На самом деле ему надо было сделать одну женой, другую – любовницей, закрыть офис и достичь таким способом мировой гармонии. Причем совершенно не важно, кого женой, а кого любовницей, главное, чтобы они были в паре. Проблема состояла в том, что тогда не было оснований писать в своей визитке слово «Президент». Да и пришлось бы платить им деньги из собственного кармана, а не из взносов доверчивых учредителей.

Когда мы затусовались, все удивлялись, что у меня может быть общего с пустым Веней? Но общего у нас были: несколько лет жизни в интернатах при полных и вполне респектабельных семьях, вкус к светской жизни и безумная любовь к американским автомобилям. В интернатах мы, естественно, были в разных и в разное время... Но одинаково не простили этого родителям. Светскую жизнь понимали по-разному и занимали в ней разные ниши, но органично сочетались в ее рельефах. Американские автомобили любили одинаково... до умопомрачения. Мне никогда не надоедало слушать Венины описания очередного коллекционного медлительного монстра, смотреть на него по видею или на фотках, обсуждать его дизайн и биографию.

В Венином гараже стоял невероятный розовый «олдсмобиль», первым владельцем которого по документам являл-

ся Элвис Пресли. И я с напором экскурсовода, обожающего свою работу, каждый раз водила туда гостей, предлагая и помогая восхищаться агрегатом немислимой величины и элегантности. Открывала дверцы, уговаривала посидеть за рулем на желтых кожаных диванах, осмотреть нос и хвост... словно была конструкторшей, владелицей данной машины или хотя бы фанаткой Элвиса.

Кроме «олдсмобиля», в Венином «личном автопарке» было два автомобиля марки «шевроле-каприз». Белый, летящий, с полицейским отбойником спереди и постмодернистской антенной-птицей сзади и коричневый неуклюжий универсал. Оба они были величественны, неповоротливы, нереально просторны и комфортны внутри.

Поскольку наше знакомство началось со строенья глазок, то первые дни Веня приезжал, чередуя автомобили и костюмы, модулируя голосом, рассказывая про скорый отъезд в Чечню на защиту родины, вспоминая про героические подвиги в молодости, показывая настоящий пистолет и рацию, разворачиваясь в час пик через две сплошные линии, цитируя, аффектируя и симулируя... как немолодой психолог, я терпимо относилась и к этому; и к тому, что все костюмы у него были светлого или горчичного цвета, как у кавказского торговца овощами; что на светские мероприятия он горделиво припирался в кожаных штанах и жилетке... Правда, говорят, пару лет тому назад мог вообще напялить в люди ковбойскую шляпу.

Я всегда испытывала смешанные чувства к людям в шляпах. Когда в шляпах ходили полуцирковые персонажи вроде Лидии Ивановой, Натальи Дуровой и Натальи Нестеровой, это было нормально... «Здравствуй, Бим! Здравствуй, Бом!...» – и глаз ищет и находит рядом слона или ученую обезьянку... но вот когда пришлось участвовать в умной телепрограмме вместе с Михаилом Боярским, я себя ощущала как в компьютерной игре, давшей сбой... Сидит пожилой дяденька, что-то говорит, как-то ему надо отвечать. А как ему отвечать, если он последние тридцать лет в этой шляпе? Если он не заметил, что их прошло ровно тридцать?

Но я бы простила и ковбойскую шляпу, если бы однажды по телефону Веня не сообщил мне, что пишет пьесу вместе с малоизвестным театральным режиссером. Пьесой, в его понимании, естественно, был пошловатый капустник на тему конкурса красоты «Мисс открытие Америки». Но как известно, отвращение писателя к графоману необратимо, как отвращение врача к знахарю или психолога к экстрасенсу. Первый изумленно говорит: «Но ведь этому надо долго учиться!» Второй обиженно отвечает: «Это тебе надо учиться, а я с этим родился!»

Видимо, со слов «я пишу пьесу» и начался мой внутренний облом про Веню. То есть, чувствуя всю его несостоятельность в области заявленной борьбы с наркомафией, успешного бизнеса, мужественного прошлого, красивого настоящего и перспективного будущего, я не могла привести для

себя более мощных аргументов его личностного ничтожества, чем графомания. Конечно, можно было прицепиться к тому, что у него долго и мучительно умирала мать, а он по-свински разговаривал с ней по телефону. Но, как психолог, я не могла этого сделать. Судя по Вениным рассказам, да и по самому Вене, такие отношения мать выстроила сама.

Конечно, можно было прицепиться к свинскому отношению к дочери, о которой он заботился на публику, но быть отцом не умел и не силился, успокоившись, после того как подложил этот юный цветок под одного из своих климактерических приятелей: более ответственного мужика и более успешного бизнесмена. Но, как психолог, я видела, что родители не дали ему понять, что такое семья и отношения взрослых с детьми. Вене не приходило в голову, что роль двадцатилетней содержанки сорокалетнего дяденьки обычно выполняют девочки из бедных семей. Его устраивало, что деньги, силы и эмоции, сэкономленные на красавице дочери, он мог потратить на какую-нибудь из своих двадцатилетних содержанок, поскольку не верил, что кому-то может быть интересен бесплатно.

Конечно, можно было прицепиться к тому, что у Вени нет друзей, потому что он не умеет быть другом, точно так же, как не умеет быть сыном и отцом, а клубящиеся вокруг него приятели относятся к нему с легким презрением, что не мешает вместе проводить организованный Веней досуг. Но... я прицепилась к диагнозу: «Веня пишет пьесу».

Итак, сразу после знакомства я попросила Веню выступить в моем клубе. А еще попросила взять с собой на задание: пообещала загримироваться и надеть парик, спрятаться, наблюдать и описать это в бессмертном тексте. Вене сначала льстила эта идея, он пыхтел, раздувался... объяснял, что это просто трудная и грязная работа, что я буду разочарована, потому что они, простые российские герои, в момент облав не стесняются в средствах и выражениях... дальше шли многочасовые рассказы про то, как брали одного, второго, третьего... как бесподобен был в этих мизансценах сам Веня, сколько раз ему отбивали печень, почки, яйца, откусывали ухо, засовывали нож под ребро, пробивали голову, ломали пальцы и выбивали зубы... Одним словом, когда приглашение «на дело» состоялось – правда, не к нему, а к знакомому менту, – Веня уже был так скучен и прозрачен для всей компании в качестве «борца со злом», что я опекающе улыбнулась и придумала отказ, который Веню вполне удовлетворил.

Что же держало меня в этих отношениях, если я ощущала Веню несостоявшимся по всем статьям? Он был обаятельным. Он грамотно вписался в нишу опекающего мужчины, к которой я была приучена двумя браками. Он непонятно чем напоминал моего трудного брата. Да бог знает почему... Подходил к образу жизни, и все тут.

Выступать в клуб перед женщинами, «вмешивающимися в политику», Веня явился как полный мудака. Узбекского халата не было, но были огромные пляжные темные очки и

светлый костюм глубокой зимой. Он начал с невероятной засекреченности, представился Иваном Ивановичем Ивановым, а я – бойко подыграла. Дико волнуясь, Веня монотонно начал рассказ, оставшийся у меня в отредактированном виде:

– Все, что я могу сказать, – это частные размышления частного лица, которые никак не соответствуют официальной позиции. Они не отражают официального мнения того департамента, которому я служу. Для того чтобы разговаривать о наркотиках, надо понять, какими они бывают. Одни из самых массовых наркотиков, которые процветали в советское время, а сейчас несколько теряют актуальность, это наркотики, добываемые путем несложной переработки дикой индийской конопли, именуемой в простонародье анашой. Конопля обладает некими наркотическими действиями, растет повсюду, в южных краях выращивается специально ради пеньки, веревок, но в ней слишком мал# содержание наркотических веществ, и она на языке противоположной стороны называется «беспонтовая».

Дамы взволнованно перевели дыхание.

– Наиболее сильная дикая индийская конопля растет в Казахстане в долине реки Чу. Это около полутора миллионов гектаров, она растет там, как у нас подорожник. А самая понтовая растет в Кашкарском районе Чуйского района Джамбульской области. Из нее изготавливается ряд наркотиков. Когда она в июне начинает цвести, туда бросается, у меня та-

кое впечатление, вся страна, невзирая на возраст и пол. Там жарко, они раздеваются, бегают, собирают пыльцу, которую потом вместе с п#том соскребают с себя, получается так называемый план или пластилин.

– То есть это стандартный способ добычи? – поморщился кто-то из дам.

– Да, стандартный, – важно кивнул Веня, – я сейчас отошел именно от этого продукта, но когда колбаса стоила два двадцать, коробочек плана стоил пять тысяч рублей. Далее у растения есть соцветия, которые собирают, высушивают на солнце, протирают, просеивают, это получается марихуана. Из верхних листиков делают таким образом гашиш. А есть когда просто под корень рубят, просеивают и получается так называемая трава, или анаша, или дурь. В застойные годы это был основной продукт, который поступал на наш рынок. Далее существует гораздо более серьезная вещь – это опийные наркотики, их собственно два – опий и героин. Если первое просто растет и его надо только собирать, то второе надо выращивать, это технологически сложно.

– А еще? – выдохнули дамы.

– И наконец, третий наркотик, который мало представлен на нашем рынке, потому что дорогой, растет он только в Латинской Америке, это кокаин, – взмахнул Веня ладонями. – Он приготавливается из растения коки, которое требует очень тонкого ухода, регулярного полива, большого количества воды, но степень действия наркотика очень велика и

действие специфично, поэтому он раз в десять дороже героина. Сейчас грамм героина в Москве стоит порядка пятидесяти долларов, грамм – это три-четыре дозы. Есть еще так называемый героин для бедных, это первинтин, или «винт». Он делается из большого количества составляющих, получается что-то, что загоняют себе в вену. Все остальное – это экзотика, оно не имеет промышленных масштабов. Что касается объемов, то в 90-м году мы работали в Киргизии, Казахстане, тогда удалось уничтожить полностью весь опиум в нашей стране. Это было сделано усилиями 25 человек межрегионального отдела по борьбе с наркобизнесом. То, что я слышал сейчас, не знаю, насколько эти цифры правильные, суточный оборот героина через Москву составляет двадцать тонн. Чтобы представить себе, что это такое, если бы все это оставалось в Москве, то означало бы, что 6 миллионов человек в Москве плотно сидят и два-три раза в день колются. Учитывая, что многое идет транзитом, я думаю, что миллиона три в Москве колются.

– В Москве три миллиона на героине? – недоверчиво воскликнули дамы.

– Я повторяю, я не могу дать официальных цифр, у меня их просто нет, это мои домыслы, – отмежевался от цифры Веня. – Теперь, что касается того, почему люди на это садятся. Повторяю, что все, что я буду рассказывать, я знаю понаслышке, потому что сам ни разу не пробовал. Что такое наркотическая зависимость? От анаши, марихуаны, го-

ворят, возникает легкое, очень приятное состояние, яркие образы, мозги становятся ясными, обостряются сексуальные ощущения, если есть какие-то проблемы, они отходят на задний план, жизнь кажется замечательной. После этого человек чувствует себя плохо, наступает некое похмелье, голова болит, но достаточно опохмелиться, и сразу становится хорошо. Без этого человек может прожить неделю, месяц, поэтому возникает скорее психологическая зависимость.

– Так это не так страшно? – с надеждой поинтересовались дамы.

– С наркотиками более тяжелыми, с героином, с «винтом», возникают какие-то видения, яркие образы и уже чисто физиологическая зависимость, – посуровел Веня. – Существует множество физиологических изменений в организме при их приеме, расширяются сосуды, улучшается кровоснабжение мозга, но и похмелье гораздо более серьезное, тахикардия, руки трясутся. И человек уже готов на все, чтобы даже не испытать кайф, а просто выйти из этого состояния, потому что оно ужасно. Теперь, откуда это берется и почему распространяется. Потенциальный путь к наркомании – это: где-то дали попробовать, на «слабо». Попробовал, вроде хорошо, дали второй раз, потом это становится какой-то частью компании, это принято, и человек начинает этим жить. Потом стресс, человек переходит на что-то более тяжелое, начинает со временем не хватать денег...

– И он идет на преступление? – захлопали глазами дамы.

– Воровать страшно, ему говорят, а ты проведи сетевой маркетинг, приведи кого-то, и человек уже становится не только потребителем, но и распространителем. А кому это вообще все надо? Здесь как раз тот случай, когда не спрос порождает предложение, а предложение порождает спрос. Это совершенно восхитительный бизнес, который дает 1000–2000 % прибыли, поэтому существуют распространители, которые, на мой взгляд, достаточно хаотичны, ходят они, ищут покупателей. С одной стороны, это хорошо, потому что с неорганизованной массой бороться легче, она хуже оснащена и осведомлена, а с другой стороны, их больше, с множеством тараканов сложнее бороться, чем с одним слонем. Есть еще одна особенность, склонность к мошенничеству не миновала и эту область. В Москве сейчас довольно сложно купить героин, в котором нет муки, стирального порошка, зубного порошка или еще чего-нибудь. Был даже такой курьезный случай, когда нам пытались подsunуть вместо партии героина муку, чт# в этой ситуации делать, совершенно непонятно, – слово «нам» Веня выделял, как в Малом театре.

– И что вы делали? – заволновались дамы.

– Давайте о другом, – значимо перевел тему Веня, – теперь, чем это плохо? На это нужны деньги, а принимают в основном люди малообеспеченные, девяносто девять процентов, и для того чтобы оплатить это дело, они прибегают либо к распространению, либо к незаконному изъятию матери-

альных ценностей у честных граждан. Вся волна квартирных краж, магнитол и подобного... Сейчас очень модно с «Газели» снимать коробки передач. Вырывать вечером у женщин сумки и мобильные телефоны. Потом все это за копейки сбывается кому угодно, дальнбойщикам, торговцам с рынка. С этим очень трудно бороться, потому что они не профессионалы, в картотеке не числятся. На мой взгляд, это национальная проблема, потому что у нас пьянство уже искалечило генофонд, а с наркоманией в этом плане еще хуже. Во-первых, хорошо подсевший наркоман в среднем живет лет пять-шесть, рано начинают, соответственно рано заканчивают. Во-вторых, за это время они проживают какую-то фантастическую жизнь, я читал несколько дневников, это просто невероятно, я такую жизнь не прожил, настолько эмоционально насыщенную и с таким количеством негатива. В-третьих, если они дают потомство, то это потомство безнадежно больное, потому что это не фильтруется, а откладывается в почках, печени, нарушает мозговую деятельность, работу сердца и вызывает необратимые изменения. Кстати, когда возникают какие-то природные катаклизмы, то хорошо подсевшие наркоманы дружно мрут, летом, когда была жара 35 градусов, было дикое количество смертей. Причина смерти в основном – острая сердечная недостаточность, это в 16–17 лет! Существует мнение, что большая часть наркотиков, поступающих к нам, уже заражены СПИДом.

– Это может быть реальностью? – спросил кто-то из про-

двинутых дам.

– Я об этом не слышал. Только те наркотики, которые колют, можно заразить. Хочу сказать о том, что нас ожидает, – это хуже СПИДа. Появился новый наркотик, называется он «китаец», известно, что он идет откуда-то с северо-запада, что это чистая химия, по степени воздействия как героин, а доза – буквально пылинка. Плох он тем, что обнаружить его невозможно, а вышли на него, потому что было несколько случаев передозировки, а признаков героина никаких. Сейчас это уже дошло до Москвы.

– А как понять, кто является распространителем, а кто потребителем, если человека просто ловят с наркотиком? – заинтересовались дамы, равнодушные к «китайцу».

– Есть различные должностные инструкции, считается, что партия, предназначенная для сбыта, начинается с одного грамма. То есть один грамм – это та доза, за которую можно подвергнуться уголовному преследованию, а чтобы доказать распространение, нужно, чтобы был зафиксирован факт покупки и факт продажи. Есть такая жуткая практика, что обычно решения о том, было распространение или нет, принимаются на усмотрение сотрудников, которые с этим столкнулись.

– Какой, по-вашему, должен быть основной путь борьбы с наркоманией: пресечение поставок или воспитательная работа с молодежью? – убито спросили дамы.

– После ряда пертурбаций, называемых перестройкой,

практически исчез противодействующий аппарат, а с другой стороны, стали более прозрачными границы и появился зарубежный рынок. У меня такое впечатление, что Афганистан – это одно сплошное маковое поле и изредка следы гусениц, трупы талибов и воронки от бомб. Наши житницы, Узбекистан, Казахстан, где стояли элеваторы, превратили эти элеваторы в почти легальные заводы по переработке героина. Все это начинается с толстых потоков, которые потом разделяются на ручейки, которые приходят к нам. Самое эффективное – это пресекать самые толстые потоки, которых на сегодня три. Это толстенный трубопровод через Таджикистан и Чечню, Дагестан, где идут наркотики из Китая, из Таиланда, из Афганистана.

– А насколько эффективна борьба с наркотиками в связи с коррупцией?

– Можно ли истребить все наркотики? Да, в 90-м году силами 25 человек при содействии войсковой части вертолетов и местного ФСБ были полностью ликвидированы все опиесодержащие наркотики в Средней Азии. Просто надо, чтобы кому-то было нужно. Очень показательный пример, когда мы работали в Джамбуле, мы кого-то отлавливали, но в целом москвичам очень сложно внедряться в местную среду, создавать агентурную сеть. Потом кто-то наверху договорился с местным ФСБ, у нас с ними рейд был, если обычно мы ловили 20 человек в неделю, то тут мы сразу поймали 80. Мы просто пошли по конкретным адресам, которые у них

были, и весь Джамбул был очищен от наркотиков. Мы спросили у них: ребята, а вы что – всех здесь знаете? Да, говорят, знаем. А почему не занимаетесь этим? Команды, говорят, не было, дали команду, вот мы и сходили на субботник.

– А какой наркотик самый опасный? – уже почти всхлипывали дамы.

– С точки зрения привыкания и социального зла – героин, а с точки зрения нарушения санитарных правил мрут больше всего от «винта», – прищурился под очками Веня.

Я успокоилась, вечер удался. Цвет костюма и вид черных очков в стиле «Джеймс Бонд из Малаховки» постепенно смылились в пафосе Вениного повествования. И он, как очень артистичный человек, все глубже и глубже входил в роль правильного милиционера, последней надежды и опоры общества.

...Мне уже было неохота вспоминать, что за последний месяц, ежедневно отчитываясь передо мной о проделанной работе и жизни, Веня ни разу не упомянул героическую ловлю наркоторговцев. Да и потом если отчитывался, то часто путался в показаниях. Бросал:

– Меня вечером вызывают в участок.

А через день рассказывал:

– Позавчера вечером было мне скучно, я повез эту суку, Беби, в кабак, все сделал, как она хотела. Что ты думаешь? Не дала...

– А как же участок, Веня? Тебя же вызывали, ты гово-

рил...

– А... Там быстро побазарили.

То есть иногда у него образовывался постельный режим и жалобы на то, что его били по почкам и теперь он писает кровью, или ушиб чего-то, но если честно, то за полтора года общения я так и не увидела реальных примет Вениной миллионерской деятельности. Кроме рации и пистолета, коими к нашему времени были снабжены вся мелкая шпана и ларечники.

– Давай что-нибудь такое замутим, – в очередной раз предлагал Веня, но дальше тусовки, гостей и его самодемонстраций дело не шло.

В свете я опережающе представляла его неполным партнером, поскольку не считала, что слухи о романе с подобным героем красят мою репутацию. Друзья мои к нему постепенно привыкли. Беби успокоилась, поняв, что нам с ней нечего делить; моего женатого возлюбленного вполне устроило, что я хожу по мероприятиям с безопасным для него героем, и все стабилизировалось. Стабилизация близких отношений, не наполненных духовной нуждаемостью друг в друге, ведет к их смерти. Все уже понятно, дальше копать некуда. Почувствовав это, мы с Веней, видимо, бессознательно пытаюсь не расстаться, придумали делать автопробег американских автомобилей из Москвы до Красноярска. Точнее, придумала это я, а Веня творчески оформил, развил и углубил.

Расставшись с партией Союз правых сил, образцово-показательно предавшей меня на выборах – исключение составляли только Немцов и Гозман, с которыми и сейчас пошла бы в разведку, – я ощущала дефицит масштабных проектов. И, памятуя о «Караване культуры» 1992 года, подумала, как славно было бы посмотреть Россию не с парадных подъездов, а с колес. И почему бы не отдать подобному занятию предстоящее лето?

У Вени вроде бы был опыт организации автопробегов клуба «Колумб». Другой вопрос, что они в основном ездили из Москвы в Тверь и обратно, пили в гостинице и снимали тверских девчонок вместо московских, но все же ездили. То есть все выглядело, словно Веня способен потянуть технически-организационную сторону, а я – организационно-пиаровскую. Не долго думая мы написали бизнес-план и начали ходить на переговоры.

Веня считал себя супершоуменом и, набирая воздуха в легкие, голосил на каждом шагу текст с собственно сочиненной агитки: «В начале тридцатых годов в период расцвета нэпа сверкающие хромом и лаком „кадиллаки“, „форды“, „паккарды“ и „студебекеры“ впервые вспороли ревом моторов вековую тишину российской глубинки. Первый автопробег, вошедший в историю через бессмертный роман Ильфа и Петрова, прошел, когда молодая Советская Россия только вставала из руин, тропы и направления начинали приобретать очертания автомобильных дорог, а символом грядущего

экономического расцвета стало строительство первого автомобилестроительного гиганта в Нижнем Новгороде...»

Глаза у него горели, как у человека, ненадолго нашедшего себя, голос струился, спина выпрямлялась, ноги становились длиннее, а плечи шире: «Нынешний трансконтинентальный автопробег, запланированный на период с 10 августа по 5 сентября по маршруту Москва – Красноярск – Москва, задуман как празднование семидесятилетнего юбилея первого автопробега».

Я наблюдала за ним довольными глазами Куклачева за кошкой, научившейся наконец кататься на самокате, но бессознательное все-таки издевательски нашептывало: «Ничего не получится! Все врет! На что ты тратишь время? С кем ты связалась?»

– Слушай! – возмущенно отвечала я своему бессознательному. – Это всего лишь масштабная общественно-политическая PR-акция, освещаемая в СМИ. Подобные проекты и не такие персонажи вытягивают. В конце концов, я все держу под контролем. Этот кретин собирается заработать денег и утешить больное самолюбие! Он получит и то и другое. А вот лично я лично для себя проведу «общественно-инспекционную» оценку «бездорожья, разгильдяйства и бюрократизма» в стране по прошествии 70 лет. Мне для самой себя необходимо сокращение психологической дистанции между центром и регионами, мне надоело быть туристкой в собственной стране!

Я совершенно отчетливо представляла себе, как в колонну автомобилей садится куча звезд и журналистов. Уже переговорила на сей предмет с Бари Алибасовым, Андреем Вульфом, Алексеем Митрофановым, Ирочкой Салтыковой, Любой Воропаевой, Никасом Сафроновым, Петей Подгордецким, Машей Шукшиной, Владом Сташевским, Евгением Осиным, Сергеем Крыловым, Евгением Кемеровским...

Уже поприсутствовала на переговорах по поводу передвижной станции спутниковой связи для трансляции мероприятия в режиме реального времени. Договорилась о полной телеверсии по результатам автопробега. Уже пошел слух о наших пресс-конференциях и гала-концертах на центральных площадях Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Новосибирска, Кемерова и Красноярска.

В переговорных кабаках и кабинетах Веня бойко производил:

– Основу автопробега составят автомобили последнего модельного ряда концернов «General Motors», «Chrysler», «Ford», «ГАЗ», грузовые автомобили и автобусы «International», раритетные автомобили клуба «Колумб». Возглавит колонну, в качестве «Антилопы-Гну», «паккард-кабриолет» 1929 года. Началом PR-компании трансконтинентального автопробега станут его презентация 13–14 июля в Москве на автомобильном фестивале «Экзотика» в Тушине и VIP-мероприятие в РК «Метелица» 18 июля.

А я похвалялась договоренностями и завязками в ветвях власти. Все ложилось в узор, звезды теребили: «А правда поедем? А то я от гастролей отказываюсь!»; несколько телеканалов согласились дать под трансляцию прямых включений эфирное время (тем более что речь шла об августе, который был политическим затишьем, когда показывать было нечего); несколько крупнейших компаний согласились взять на себя финансирование; несколько автомобильных фирм согласились предоставить машины.

Ходить с Веней на переговоры было «огромным счастьем». Например, придя в кабинет крупной чиновницы из питерских, он решил разрядить обстановку анекдотом про то, что менты вытаскивают в Питере из лужи бомжиху и сообщают, что если она местная, то ей немедленно будет предоставлена работа в Кремле. В кабинете моего друга гея вспомнил глупый анекдот про голубых. Бездетным дамам говорил, что жизнь без детей не имеет смысла, а блондинам – что импотенты среди них встречаются во много раз чаще, чем среди остальных. Постепенно распространились слухи, что я хожу по кабинетам с неизвестным придурком, представляя его своим деловым партнером, и мне приходилось оправдываться, оправдываться и оправдываться... и все потому, что мне казалось, что Веня хоть и медленно, но все же обучаем.

Короче, мы шастали как Шерочка с Машерочкой по кабинетам, обедам и ужинам, и архитектура беспрецедентного

автопробега звезд победоносно выстраивалась в воздухе, обрастая арками, колоннами и виньетками. Звезды должны были мчаться сквозь Россию-матушку, останавливаясь в каждом из пяти городов на день, устраивая концерты и общаясь с народом. Им предстояло увидеть страну и показать себя в натуральном соку, понять про себя и родину то, что совершенно не понятно и не видно в московской тусовке и гастрольном чёсе, и начать думать о том, как начать обустроить себя внутри и страну снаружи.

Колонна автомобилей со звездами, телевизионщиками и организаторами должна была отправиться с благословения Арбатовой с Арбата, поскольку у Ильфа и Петрова автопробег начинался от города Арбата. Американские раритеты собирались проделать путь до Красноярска на «фордовских» грузовиках, спускаясь на землю только перед въездом в города – дороги бы они не выдержали. Колонну должна была возглавить настоящая клубная «Антилопа-Гну», чудное авто, на котором, помимо Остапа Бендера, реально разъезжал Ленин. Мы с Веней планировали сидеть в ней как президенты автопробега. Ему, конечно, очень хотелось еще и вести концерты, поскольку он считал себя гениальным конференсье. Но я, имеющая опыт организации «Каравана культуры», отчетливо понимала, что в городах мы будем бегать как шавки, разгребая оргвопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.